

Сухоносова Екатерина Викторовна

Биография: родилась 15 марта 1985 года в городе Ворошиловград СССР. Окончила Восточноукраинский Национальный Университет имени В.Даля города Луганск. Получила диплом экономиста.

Работала по специальности. Поэзией занималась со школьных лет. В 2021 году сменила место жительства на город Краснодар РФ. Вместе с тем и вид деятельности, стала организатором творческих фестивалей. Ранее не публиковалась и не участвовала в конкурсах. Публиковаться в сети интернет начала с января 2025 года.

Телефон: +79531001805

email: flordekatrin@vk.com

Краснодар

Истина

Говорят, счастье любит тишину. А я просто хочу,

Чтоб из моих заметок на бумагу, и в чью-то закладку

На любимом месте. И чувствовать, что могу

Горький вкус кофеина подсластить шоколадкой.

Хочется этими строчками, кого-то спасти и спастись самой

От одиночества прочного, заселяя в душах искру.

От этих искр зажигается жизнь благодатным огнем.

Я стихами живу и, когда-то, кому-то их подарю.

Мы упрямые бродим по комнатам в остром холоде.

И кремень не по назначению в душах используем.

Сколько там еще бродит таких как мы олухов?

Бездомные в доме свой угол ищем, укромный.

Без повода, доводов, не выйдем из норы к нему.

Своему скромному, со скоростью света движения

Ускользящему, млечному пути, разлитому по утру

Чашкой кофе с молоком безлактозным по небу.

Желания, надежно, в тайнах за семью печатями.

Надежды, стеснительно, стихом перед зрителем

На сценическом стуле кухонного драмтеатра,

Под аплодисментов шум, никогда не услышанных.

В дутые куртки прячем бороды, в жизненном ринге,

В сопротивленьи стремлений, друг в друга направленных.

От ударов судьбы признаемся в безумстве, бессилии,

Оставаясь одними на свете, без света, нормальными.

Драматургами, в тщетных стараниях пьесу поставить,

Чтоб до дрожи, крика и хрипоты, и неоднократно.

Вымирающим видом людей в волчьей стае.

Мы останемся, в строчках своих, никому так и непонятых.

Погрызшие по уши, в своих больных сублимациях.

Улыбку сменила ухмылка кривая, бездушная.

Заблудшие в, чужих и своих лабиринтов, прострациях.

Не вспомним и цвета вчерашней, смятой подушки.

Оставьте в заметках меня, в темноте продолжать жизнь писать.

Мы связаны общими строчками, в тишине многоточий.

К разговорам сводится, снова, как трудно, но хочется доверять.

У нас обоих в груди пробоина и, по общему, мы обесточены.

Хочется знать, что там впереди, что-то новое, искреннее.

А жизнь, раз за разом, подкидывает, что-то для опыта.

Бенгальскими огоньками, снова, любуюсь бысмысленно.

И нет ни желания, ни сил поставить на стоп это.

Не важно в храме, под куполами, с крестами на исповеди,

Или в тесной комнате, со стаканом крепкого виски.

Всегда, с неподдельной оскоминой, до скрипа кислая

Остается моя, без фильтров и ретуши, истина.

Отражение

«Что за прекрасное дерево?»

«Где? Я его не вижу»

«Посмотри в свое отражение.

Разве, не видишь это диво-дивное?»

Промолчу.

Испуганно, спрячу глаза,

Чтобы ужаса не заметили.

Я, в своем отражении,

В отличие от вас,

Вижу уродливое,

Искаверканное

И загнивающее от корня,

Невероятных размеров, растение.

«Ну что, тебе нравится,

Что с собой ты наделала?

Довольна своими усердиями?

Посмотри, как красиво

Засохли

И обломились ветки,

От плодов твоего Садомского Эдема.

Или, скорей, беспредела.

Не поделили с тобой

Наслаждения.

А, как тебе цвет листьев?

Правда они волшебны?

Были... когда-то...

Когда ты была чистой.

Сейчас их попросту нет.

Стараешься все исправить?

От гнили очистить корни?

Ну вперед.

Не мешаю.

Только, нечего чистить.

Корни сгнили давно от твоего Гомора.

Но... какая разница теперь?

И, в чем смысл

Оглядываться на года,

Проведенные

В поисках выхода

В других, покидая себя?

Все равно никому, ведь, не видно.

Умело маскируешь себя

Под приличную,

У которой один был

Или максимум два.

Только видишь...

Там, по стволу, стекает смола.

Оно плачет.

Ему больно.

А ты продолжала его истязать,

Беспощадно,

Своим грехом,

Вырезая бесконечные имена,

Которых даже не вспомнишь.

Потому что на месте

Мемориала,

Твоего пошлого прошлого,

Отпадает кора.

День за днем.

Не спеша.

Твоего головного мозга.

Не без помощи вьедливого червя.

Не покинет он уже никогда

Твоего,

Смолой кровоточащего,

Отражения.

В, тебе только доступном, зеркале.

Остальным, в тебе, видится прекрасный сад

Из молодых

Плодовых деревьев.

За которыми, надежно, укутала в ткань

И закопала

Свой портрет Дориана Грея,

Остающимся на века,

В твоём

Для тебя

Отражении.

Запах полыни

Я просто жду, когда все для меня закончится.

Свое сердце зарю в райских садах, чтобы оно проросло сорняком.

Закончится, с болью, мое публичное одиночество.

Гроздями черной рябины, пробьет грудь, беспощадная дробь.

Я буду скучать по, никогда неслучившимся, поцелуям.

Сотрутся в прах, в твоей памяти, мои острые афоризмы.

Убью себя в твоей жизни, без похоронных слез, на сухую.

Останусь с тобой навсегда, в вермуте, со вкусом горькой полыни.

Тело устало уже уставать, душа разорвана сотней сквозных.

Жить по правилам в своей голове, оказалось, вдвойне паршиво.

Твои правила оказались игрой без правил, с последствием ножевых.

Или заброшенным тиром, со сбитым прицелом, с целью наживы.

Пытаясь увидеть под потолком, сколько в этом мире хорошего,

Залипая на фигуре моей, увидишь, что сложена из нецензурного слога.

Неприятный сюрприз. Да, я уже не горю, давно обесточена.

Не готов был к такому подлогу? И что по итогу?

Когда сердце снова хандрит, и на мели сели флотилии силы.

О потерянном вечном, на обрыве стоя, в голове сквозят мысли.

Откопаешь меня, в полях райских, припрятанную на черные дни.

Из сквозного в груди, от черной рябины, вдыхая запах полыни.

Пуанты

Афиши ярко пестрят, знаменитыми всем, персонами.

Пуанты пылятся в шкафу, дополняя, по прежнему новый, наряд.

И, за кулисами, нет моего гримерного столика.

Именной, пожизненный, выдан абонемент в первый ряд.

Счастье - быть заодно, своим сердцем с природой, в погоне

За бескрайними горизонтами, пытаюсь поймать

Взглядом их полосу, где небо встречается с морем.

И, заигрывая с лучиком солнца, от него по песку убежать.

Я о нем постоянно твержу и хочу бывать здесь почаще.

Жить стихов монологом, диалогов пустоту забывать.

Воздух мягкий, соленый, но, намного, им дышится слаще.

Хочу чувствовать, что гроза мне твердит, и птиц понимать.

Снова, пенной волной, мне щекотится счастье, под пяткой.

Свои беды и горе перестану, когда-нибудь, в строчки впечатывать.

И мое отвращение к универмагу, со скидкой на души, по акции,

Сменится на созерцание чистого неба, а к остальному апатией.

Наша жизнь имеет предел череды пируэтов балетных.

Я не тешу себя иллюзией, знаю, что все это временно.

Из памяти, наши сольные и на вторых ролях, сотрут поколения.

Остаются вечными, лишь пейзажей декорации волшебные.

Мы приходим, однажды, с надеждой, в огромный театр красивый.

Боязливо, перед комиссией, пытаемся выполнить самое легкое «Па».

Критика нас отправляет мыть сцену, после великих артистов.

Щель закулисная, слезы глотая, заставит тайком продолжать танцевать.

И вот, ты в пуантах примы, стертых о сцену, тщательно вымытую.
Огнями сафитов охвачена, пытаюсь широкой улыбкой прикрыть
Боль от стопы доходящей до самого мозга, от иголки завистливой,
Феерично сыграв свою первую партию, с аншлагом в зале, на бис

Понимаешь, что, в погоне за славой, победой, признанием,
Пропустила свою настоящую жизнь, без тесных корсетов на талии.
Не прочла, мелким шрифтом, условий контракта, его заключая.
Выбрав райдеры и гонорары, потеряв место в зрительном зале.

Я свой билет в первый ряд за океаном глаз сберегу.
Не исполняю на сцене для обществ, а под вееньем моды и трендов.
Я смотрю молчаливо, и в созерцании жизнь проживу.
В моем контракте четко прописано, что отрекаюсь от сцены.

Пуанты спрячу в шкафу, под замком, с белоснежной пачкой.
А, на долгую память, в наследство, оставлю билет в первый ряд.
Чтоб, моего продолжения, поколение не променяло, случайно,
Созерцание на искушение, примой балетной на сцене недолго сиять.

Не предавайте себя!

Мы теряем людей.

И, в этой потере, зачастую, находим себя настоящих,
Неподдельных.

Без чужого мнения и, взглядов на жизнь, отпечатков.

Пустота не остается вакуумом.

Она заполняется

Истинным нашим предназначением,

Потерянным,

Не имевшем права на существование,

Под гнетом чужой жизни,

Над нами шежествование взявшей

И, управляющей каждым движением

Мышцы сердечной

И импульсов, сигналы тайком посылающих.

Оставшись без одобрения

Чужого, очень родного для нас, мнения

Они погибают.

А с ними и мы, настоящие.

Растворяемся в другом человеке,
Нас превосходящем.
Гоним послы разума от себя
Беспощадно.
Нужны ли такие нам отношения?
Для кого они правильные
И важные?
Для того человека, который, себя одобряя,
Свои цели, стремления и желания,
Над нашими насмехается?
Принимая нашу покорность в жертву,
Брезгливо ей утирается,
Теряя, с этим, к нам уважение.
Превращая в марионеток,
Желания и прихоти все исполняющих.
Не достойные взаимного понимания,
Останемся шутами, на ниточках
В, им надоевшем, театре.
И скоро сменяемся новыми...
Таковыми же глупцами ущербными,
Об себя вытирать новые, с любовью подаренные,
Позволяющими.

Им не нужны наши жертвы.
Никто к жертвенникам не питает страсти
И любви.
К половинчатым.
Своими собственными предположениями,
Что такие мы лучше, удобнее и
Привлекательнее,
Поделенные.
Себя, предающие, и свое предназначение.
Мечты и стремления,
В себе, на корню, зарубающие.
Нищие духом... марионетки.
Они же остаются целостными,
С нами, поделенными,
Поддельными,
Ненстоящими
Только, на время своего терпения,
Выделенного на лицезрения
Этой утопии, в скучном театре.
Потом уходят...
Оставляя нас с виной на душе,
Что недостаточно сильно

В себе убили
Себя настоящих.
Заблуждающихся дальше,
В поисках конечной точки.
На дне изучающих
Поросль, оставшуюся
От, недобитых и неистребленных,
С рождением заложенных, качеств.
Но, в этом поиске,
На бездонных просторах
Своей души, погибающей
От, жертвенного приношения
Идолам наших фантазий,
Находим свое истинное сокровище.
И откопать пытаемся.
Всеми силами.
В нас настоящее
Предназначение,
Похороненное заблуждениями.
Остается сделать выбор:
Что теперь, для нас самих,
А не для кукловодов, важнее?

Показать свое воскрешение,
В надежде
Изменить решение суда властелином вынесенного?
Возвратиться вспять
И, на время стать
Угодным, со своим внутренним миром,
До тех пор, пока, снова, не захочется,
Ради чьего-то счастливого,
Свое хоронить,
Преподнося на алтарь, ошибочно,
Ненужным жертвенником,
Свою единственную
Жизнь, ради недолгой забавы идола?
Или, стать собой,
Открыв красоту всему миру
И не пустить в нее больше,
Вить веревки и сплестать узоры чужие,
Спутывая предназначение истинное?
Не предав себя самого,
Стать целостным.
Не половиной.
И, не дарить свою жизнь,

А нести ее к своему маяку
По океану,
Запустив в него живую среду обитания,
Которая дно вычистит
От ила и тины,
В окружении, таких же, целостных
И неделимых.
Самое худшее, что мы совершаем,
Это, самих себя предательство...
В попытках вернуть или удержать
Тех, кто в нас настоящих, по-настоящему, не нуждается.
А, лишь, забавляется...
Половиной
Одного единого и неделимого,
Свой внутренний мир предавшего.
Не предавайте себя!
Не совершайте роковую ошибку!
Это то, чего сами себе никогда не простите
И не найдете иных виноватых!

Картина

Сижу и смотрю на зефирно-бессмысленную картину,
Которую, не от души, а ради галочки, мне подарили.
Достану краски свои, мастихины и беличьи кисти.
Так давно не писала, что рука движений ритм позабыла.
Но это легко вспоминать, когда пишешь не ты, а душа.
Что это будет? Абстракция или изобразительное?
Напишу свое чувство, залезу туда, где глубина.
Докопаюсь, разрою нутро, под обломками дней разрушительных.
И зависну, с кистью в руках, понимая, что там нет дна.
Нет конца и края, тому что переживаю, что во мне зарождается.
Что во мне умирает, принимая ржавый металл арматуры,
Под печальные звуки процессии, навеки, в покое останется.
И, гранитным надгробьем, оставит след с красивыми буквами.
Что осталось живым и нетронутым в этом безумном миксере,
Превратившись в пушистый бисквит из пяти единиц терпения,
Стакана сил и такой же порции веры, что смогу я взбить это.
Теперь, всем рецепт раздаю, угощая кусочком своего творения.
Удивляют, дрожащие, зерен ростки под, еще не остывшим, пеплом,
В ожидании замерших, когда одобрением их все же польют.
Я, пожалуй, остановлюсь. Боюсь повредить их неверным
движением.

Хочу просто удобрить и смотреть, какие плоды они мне принесут.

Для того, чтоб начать излагать свой внутренний мир, мне
достаточно

Открытий, находок в раскопках внезапной моей экспедиции.

Я стою перед выбором: какие мне краски выбрать надо бы

Для умелого выражения всей правдивости композиции?

Всегда сложно понять и сложнее принять то, что чувствуем.

В черно-белых картинках опасаемся видеть свои диагнозы.

Тяжело признаваться себе в очередном неумном безумстве,

Тропинкой ночных фонарей, зажигающем погасшие лампочки.

Для начала, я перекрашу в белое эту безвкусицу.

Чтобы на чистом холсте лучше виделось мое невесомое,

Что там у меня в душе с диким криком наружу просится,

А что укрылось сомнением, принимая обличие скромное.

Знаю точно, там будет море, оно должно быть всегда.

Хоть хорошо, хоть плохо мне, это моя пилюля.

Дальше берег, у него, почему-то, потресканная земля.

Но в эти трещины древние стала проливаться волна.

И своей живительной силой начинает их врачевать.

Через них прорастает красивых цветов паутинный узор,

Превращаясь в буквы, из которых я сложу имена,

Возможно, уже мне известные, но их отложу на потом.

На берегу буду я, в окруженьи загадочных символов.
И пока, я побуду одна, наблюдая за желтым блином,
Прилипшим к огромному блюду в белый горошек, синему.
И оставлю на нем одно, покрашенное черным, пятно.
Это мой портал в никуда, от себя и от всех, напролом.
С надеждой, что там, все мое недосказанное перегреется
И лопнет однажды, просыпется искрами, сжигая огнем,
Все то, что мешает закрыть ненужные ветхие двери.
Или птица вспархнет и застрянет семицветным крылом,
Закрывая эту дыру в моем счастье неполноценном.
Прикоснется, и с волной, по песку до меня донесет
Смысл букв, цветущих, и их в нужное имя сложение.
Но, картина не будет дописана, оставлю ее на потом.
Подожду, как неловкость ростков превратится в стремление.
Еще немного послушаю, о чем мое сердце поет.
И, дождавшись плодов, расскажу о своем впечатлении.

Ангел

«За что мне такой ангел?»

«Чтобы подарить тебе свои крылья,

И ты на них смог из пепла выбраться,

Взлететь в небо высоко к мечте»

«А ты?»

«Я останусь пока на земле.

Побуду в тени, как привыкла.

Подожду, когда твои вырастут,

И вернешь мои, пыльные.

Буду чистить перья, тщательно, выбелю.

Бережно, на дно сундука

От света подальше, чтобы не выгорели.

И во мне не погас в ожидании свет»

«Ты прилетишь, после, ко мне?»

«Может быть. Если будет смысл в этом

Для тебя и для жизни новой твоей»

«Нет. Так не выйдет.

Позволь самому сделать выбор.

Ты мне доверяешь?»

«Больше, чем всем!»

«Я хочу взрастить свои крылья,

Оставаясь рядом с тобой на земле.

Ты рукой их, из трещин, вытащишь.

Я твои расправлю пышней.

И дорогу к мечте вместе выстроим,
Проходя за ступеней ступень.
Оберегая друг друга крылья
От колючих ветвей, ливней и ветров степей.
Пока оба не сможем выпорхнуть
Из привычных, одиноких теней.
Держась за руку крепко. С ухмылкой,
Взгляд бросая, на обрывки под ногами цепей.
На осколки, лужами слез укрытые.
Пепел, сожженных былых надежд.
В полете, к мечте зыбкой,
В погоне, за счастьем, из своих фантазий.
Припрятав, надежно, за пазухой,
От посторонних, завистливых взглядов,
Ключ от двери к, уже реальной, мечте»